

Михаил Волконский

ЗАБЫТЫЕ ХОРОМЫ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Забытые хоромы / М. Волконский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 170 с.

ISBN 978-5-521-77852-2

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) — русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

События романа «Забытые хоромы» разворачиваются во времена правления императрицы Екатерины II и открывают самые интересные и таинственные страницы прошлого России. Вместе с главными героями читатель попадёт в водоворот невероятных приключений и отправится в погоню за секретными документами. Но чем закончится это захватывающее и опасное мероприятие?

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

Мундир	5
Лысков.....	10
Бал	15
Секретное поручение.....	20
Неосторожность.....	26
История Пирквица.....	31
Курьерские бумаги	38
Пан Демпоновский.....	41
Распутье	47
Комната «Кормы воздушного корабля».....	52
Молитвенник Фатьмы	60
Две службы.....	66
Ландскнехт.....	72
Замок барона Кнафтбурга.....	76
В лесу	81
Старый знакомый	86
Выстрел.....	93
Клад.....	97
Паркула.....	103
Счастье обманчиво.....	107
Пробуждение	113
У ручья.....	117
Лысков бреется	123

Кладезь ума и сообразительности.....	129
Опять вместе.....	133
Гуссейн-паша.....	138
Песня Фатьмы	142
Тимбек	146
В замке барона	150
Приезд в Ригу	156
Глава, пока еще не понятная	160
Генерал-губернатор.....	164
Объяснение главы тридцатой	168

МУНДИР

Молодой князь Чагин, рассматривая свой парадный сержантский мундир, который держал перед ним, вытянув руку, старый Захарыч, проговорил: «Нет, положительно не годится».

— Да отчего же не годится? — переспросил тот. — Мундир как мундир — в прошлом году только сделали.

Мундир был сделан, действительно, в прошлом году, когда с возвращением государыни Екатерины II после коронации в Петербург, вследствие состоявшихся в гвардии повышений, многие были переведены туда из армии и в их числе князь Чагин. Но в этом мундире он отбыл все прошлогодние смотры и парады, и мундир потерял свой щегольской, безупречный вид «с иголочки». Чагин еще раз внимательно оглядел швы, галун и пуговицы.

— Пуговицы можно почистить, — заметил Захарыч.

— Нет, все-таки не годится, — повторил Чагин, — только на дежурства надевать, а больше никуда. Ведь ты пойми: так он хорош?

— Хорош, — согласился Захарыч.

— Ну, а как я стану в нем рядом с другим, с новым — он никуда и не будет годиться... да еще на балу, где освещение полное!.. Куда же надеть?.. нет... нельзя.

Захарыч, казалось, убедился этим доводом и, молча, с некоторым уже сомнением посмотрев на мундир, тряхнул его, после чего воскликнул:

— Да что вы там потеряли на этом балу-то, ваше сиятельство? Нешто не будет еще балов?... Дайте срок — пришлют батюшка деньги, тогда новый мундир построите, и дело с концом.

И решив, что его рассуждение вполне основательно, Захарыч свернул старый, признанный негодным, мундир и стал укладывать его в большой комод, где хранился гардероб сержанта.

Чагин был переведен в гвардию из армии, как один из храбрых, видных молодых людей и, главное, самых состоятельных среди своих армейских товарищей. Но содержание, которое ему высылал отец из деревни, более чем достаточное в провинции, оказалось весьма незначительным в столице, где велась и требовалась совсем другая жизнь. Однако старый князь не хотел увеличивать выдаваемую сыну сумму и объявил ему, что до производства в офицерский чин пусть он оборачивается этими деньгами, а когда будет произведен, тогда, мол, пойдет другой разговор.

Между тем дальнейшего производства трудно было ожидать в скором времени. По спискам Чагин, как один из младших, стоял далеко, и очередь до него должна была прийти еще не скоро. На отличие надеяться тоже было нельзя, потому что время отличий и внезапных быстрых повышений только что миновало. К тому же такое время выдается не часто, и именно потому, что оно выдалось так недавно, ясно было, что теперь более, чем когда-нибудь, наступит застой. Государыня успела уже выказать себя мудрой правительницей, считавшей необходимым обеспечение мира для устройства внутренних дел, и войны, по-видимому, еще долго не должно было быть.

Два года тому назад, в июне месяце, произошли те счастливые, из ряда вон выходящие обстоятельства, когда выделилось столько гвардейцев: государыня Екатерина II взошла на престол; многие получили при этом повышения и отличия, и теперь все места были заняты недав-

но произведенными новыми людьми, еще довольными своим положением, и не мечтающими пока о высшем. Значит, движения не предвиделось. Молодой Чагин опоздал со своим переводом в гвардию. Будь то два года тому назад, он получил бы уже офицерский чин.

А сколько надежд, сколько мечтаний было связано для Чагина с этим чином! Тут не обещание отца, не деньги стояли на первом месте. Дело шло о гораздо более существенном, милом, дорогом и заветном.

До сих пор все улыбалось в жизни Чагина, и главным образом потому, что то, что составляло для него теперь высшую радость счастья, весь, как он думал, смысл жизни, было у него. Те мелкие неприятности, которые приходилось переносить, когда не хватало денег, были чувствительны, только пока не проходили и, миновав, становились незаметными. Они легко забывались; и деньги все-таки были, хотя и не в той мере, как надобно, но были и позволяли жить беззаботно.

И Чагин торопился жить — торопился потому, что счастливые дни, которые он переживал, несомненно, служили началом еще более счастливого времени, когда он наконец будет произведен в офицеры и начнет настоящую жизнь.

Эта настоящая жизнь заключалась в женитьбе на давно любимой, с детства знакомой и близкой Соне Арсеньевой. Они детьми играли вместе в Москве, где проводили зиму, и впоследствии дороги их разошлись.

Теперь Соня была уже девушка девятнадцати лет, ображавшаяся, что она — совсем невеста. В прошлом году вместе с двором привезла ее в Петербург тетка, важная барыня, у которой не было детей и которая, полюбив хо-

рошенькую племянницу, стала заниматься ею и вывозить в свет.

Став светской барышней, Соня встретила Чагина, и он, сначала боявшийся за свое счастье, скоро увидел, что бояться ему нечего, что они по-прежнему любили, знали и понимали друг друга. Но «сержанту» неловко было делать предложение, приходилось ждать и торопиться как можно скорее прожить эти годы влюбленности, молодости и ожидания.

Чагин не мог еще узнать по опыту, что именно эти годы, которые, как ему хотелось, должны были бы протечь возможно скорее, в сущности, представляли собой самые счастливые, невозвратные годы человеческой жизни. Ему почему-то казалось, что с наступлением страстно ожидаемой настоящей жизни не только заботы не увеличатся, но их вовсе не будет, и начнется бесконечный период непрерывного счастья. Тогда уже никаких задержек ни в чем не окажется: ни в поношенном мундире, ни в деньгах — словом, ни в чем, ни в чем.

«А все-таки мундир не годится, — мысленно уже с отчаянием повторял Чагин, зашагав по комнате и косясь на возившегося у комода Захарыча. — Легко ему говорить, — продолжал он думать, — не ехать... Да разве можно не ехать, разве это мыслимо? Но ведь так не поедешь, а другого мундира нет, да и достать денег на него неоткуда!»

И вдруг Чагину стало чрезвычайно жаль себя. В самом деле, положение было почти безвыходное: казалось, лучше умереть, чем не ехать на бал, и вместе с тем было тоже лучше умереть, чем ехать, потому что приходилось надевать мундир, который никак нельзя было надеть.

В первую минуту жалости к себе Чагину захотелось «все» рассказать Захарычу: и почему он непременно дол-

жен ехать на бал, и почему ему так тяжело не сделать этого, и главное, чтобы не подумал Захарыч, что ему хочется просто потанцевать, как какому-нибудь молокососу.

Но этот прилив жалости сейчас же пропал, и его сменила бешеная злоба и на себя, и на других.

«И с чего выдумали в сентябре балы назначать! — злобно стиснув зубы, продолжал опять Чагин свои размышления, — подождать не могли!.. Нужно очень... И как это все у меня было хорошо рассчитано!»

У него, действительно, все «очень хорошо было рассчитано», то есть ему казалось это так, потому что он решил заказать себе новый мундир с первым же получением денег от отца, вполне уверенный, что поспеет к началу сезона. Однако оказалось, что петербургское общество, со смерти императрицы Елизаветы не веселившееся, торопилось воспользоваться временем, следуя примеру вдруг ставшего блестящим двора молодой красавицы-государыни. Первый заметный бал был назначен уже в сентябре. На этом балу (Чагин знал это) будет Арсеньева, значит, во что бы то ни стало и ему нужно было быть там.

И вот, не находя выхода из своего «отчаянного» положения, Чагин схватил трость, шляпу и, накинув плащ, вышел на улицу.

У крыльца его ждал постоянный извозчик, которому он был уже порядочно должен, вследствие чего считал своей обязанностью ездить с ним каждый день и больше, чем это ему было нужно.

— Пошел к Лыскову! — приказал он извозчику, усаживаясь на его почему-то считавшийся удобным в то время калибер¹.

¹ Род извозничьего экипажа.

ЛЫСКОВ

Лысков, подпоручик того же полка, в котором служил теперь Чагин, был по отношению к юноше, переведенного из армии, чем-то вроде покровителя, друга и приятеля.

Чагин сошелся с ним более, чем с другими, именно потому, что их характеры оказались совершенно различны. Живой от природы, впечатлительный, вспыльчивый и благодаря своей молодости легко увлекающийся, Чагин очень скоро привязался к старшему по годам, невозмутимо спокойному Лыскову, и между ними установилась та неравная, но именно вследствие своей неравности твердая дружба, при которой один позволяет питать к себе преданность, а другой — ищет предмета для выражения этой преданности. Лысков стал для Чагина чем-то вышшим, образцом для подражания, и тот, в свою очередь чувствуя симпатию к молодому, доброму, порядочному малому, опекал его, где нужно, и руководил по возможности в новой для Чагина гвардейской столичной жизни.

Лысков лежал у себя на кровати, закинув за голову руки, без камзола, в одной рубашке и мрачно, сосредоточенно смотрел в потолок, когда явился к нему Чагин.

Тот, уже отлично знавший привычки и обычаи своего друга, сейчас же понял, что это значило.

При его приходе Лысков нахмурился, но Чагин и это знал, и знал, что, в сущности, его друг и ментор очень доволен его приходом. Только нужно было оставить его в покое, и он сам заговорит.

И Чагин, молча поздоровавшись, как давно привычный человек, положил шляпу и трость, достал в углу труб-